

---

## ОБЩЕСТВО И ВЛАСТЬ

---

### Как изымают собственность в олимпийских столицах: Олимпиада в Сочи в сравнительной перспективе<sup>1</sup>

Н.И. КАРБАИНОВ

*В статье рассматриваются практики изъятия собственности в Сочи в сравнительной перспективе с другими олимпийскими столицами. В ходе сравнительного анализа проверяются две гипотезы – «элитная» и «народная». В качестве теоретических инструментов используются социологический подход к анализу собственности и критическая парадигма. Главный вывод статьи состоит в том, что, с одной стороны, процесс изъятия собственности в Сочи имеет много общих характеристик с подобными процессами в других олимпийских столицах, а с другой стороны, имеются также и особенности, которые свойственны только Сочи.*

Ключевые слова: собственность, изъятие собственности, права собственности, Олимпийские игры, Сочи

#### Введение

4 июля 2007 г. на сессии Международного Олимпийского комитета в Гватемале город Сочи был выбран в качестве столицы XXII зимних Олимпийских игр 2014 г. Предполагается, что проведение такого масштабного спортивного праздника приведет к благоприятным социальным и экономическим последствиям для России: рост престижа страны на международной арене, привлечение инвестиций, развитие туризма и т.д. [Нуреев, Маркин 2009]. В этом смысле Олимпийские игры выступают в качестве общего блага, к которому могут приобщиться все граждане России. Несмотря на свою общественную значимость, Олимпийские игры – это также событие, в котором есть победители и проигравшие, при этом не только на спортивных аренах, но и в экономической и политической сферах. В данной статье речь пойдет как раз о таком аспекте: о процессе изъятия собственности в ходе подготовки к Олимпийским играм в Сочи.

Российские чиновники, ответственные за подготовку Олимпийских игр, в своих интервью прессе нередко говорят, что все происходящее в Сочи имело место и в других олимпийских столицах, в том числе изъятие собственности

---

<sup>1</sup> Исследование проведено при финансовой и организационной поддержке Института проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге и Факультета политических наук и социологии ЕУСПб.

для строительства спортивных объектов. При этом данный процесс везде осуществляется в правовых рамках, в частности, за изымаемую собственность выдается натуральная или денежная компенсация. Таким образом, изъятие собственности с возмещением компенсации, по их мнению, это общая практика в олимпийских городах, и Сочи – не исключение. Данную точку зрения можно условно назвать «элитной гипотезой».

Совершенно противоположного мнения придерживаются жители Сочи, у которых изымают или уже изъяли собственность в целях подготовки к Олимпийским играм. Во время моего полевого исследования в Сочи в нескольких интервью прозвучало мнение о том, что есть «добрые» Олимпиады и «злые» Олимпиады. «Добрая» Олимпиада – это когда собственники могут обратиться в суд, и он признает их законное право сохранить свою собственность, а в том случае если собственники продают свою недвижимость организаторам Олимпиады, то по цене, которую они сами установили. В качестве примера «добрых» Олимпиад информанты приводили Олимпийские игры в Барселоне, Атланте, Афинах. «Злая» Олимпиада – это когда собственность изымается или без всякой компенсации или компенсация является несправедливой и в суде нельзя оспорить решение об изъятии и размере компенсации. В разряд «злых» Олимпиад информанты включили Олимпиады в Сеуле, в Пекине и в Сочи. Таким образом, в первом случае собственники выигрывают, а во втором – проигрывают. Данную точку зрения можно назвать «народной гипотезой».

В данной статье сделана попытка проверить как «элитную», так и «народную» гипотезы. Для достижения этой цели сравниваются процесс изъятия собственности в Сочи с подобными процессами в других олимпийских столицах. В качестве теоретических инструментов будут использованы, во-первых, социологический подход к анализу собственности. С точки зрения данного подхода, собственность понимается как социальные отношения, в которых важным аспектом является не только правовой, но и социальный статус агентов, вовлеченных в данные отношения. Во-вторых, при рассмотрении феномена Олимпийских игр автор будет опираться на так называемую «критическую парадигму» [Toohy, Veal 2007, p. 3–5]. Исследователи, работающие в данной парадигме, анализируют Олимпийские игры в широком социальном контексте, и в первую очередь, они рассматривают Олимпиады через призму социального неравенства. Многие идеи критической парадигмы в исследованиях Олимпийских игр пересекаются с положениями социологического подхода к анализу собственности.

Следует сразу оговориться, что под Олимпийскими играми автор подразумевает не просто кратковременное спортивное событие, а так называемый олимпийский цикл, который включает в себя, по меньшей мере, четыре этапа:

- 1) стадия подачи заявки;
- 2) стадия подготовки к играм;
- 3) непосредственно сама Олимпиада;
- 4) постолимпийский этап [Hiller 1998; Нуреев, Маркин 2008].

Эмпирический материал статьи основан на результатах исследования, проведенного с помощью стратегии кейс-стади. Одним из основных принципов стратегии кейс-стади является использование двух и более источников информации (документы, архивные записи, интервью, наблюдение и т.д.), которые соответствуют задачам исследования и дают полную информацию об изучаемом случае [Yin 1994]. Анализ случая Сочи основан на следующих эмпирических материалах:

- 1) интервью и результатах наблюдения, собранных в ходе полевого исследования в 2010 и в 2011 гг.
- 2) документах (нормативных актах, заявлениях, архивных данных, аналитических отчетах и т.д.);
- 3) материалах СМИ (газеты, журналы, интернет и т.д.).

4) социологических данных – результатах исследований, проведенных учеными из Института социологии РАН [Дробижева, Арутюнова, Кузнецов, Щеголькова 2009] и Фонда общественного мнения [Климов 2008; Самкович, Климов 2009]. Анализ других олимпийских кейсов основан на вторичных источниках: научные монографии и статьи, посвященные олимпийской тематике, а также аналитические доклады правозащитных организаций [например, SOHRE 2007].

Структура статьи строится следующим образом. В первом разделе раскрываются основные положения социологического подхода к анализу собственности. Во второй части рассмотрен взгляд критической парадигмы на феномен Олимпийских игр. В третьем и четвертом разделах, используя социологический подход и критическую парадигму, исследован процесс изъятия собственности во время подготовки «добрых» и «злых» Олимпиад. В пятом разделе проанализирован случай Сочи в сравнительной перспективе.

### Отношения собственности: социологический подход

В современной научной дискуссии собственность рассматривается в двух основных значениях: во-первых, как отношения между людьми по поводу распоряжения, владения и использования определенных материальных или нематериальных объектов, во-вторых, как «пучок прав (правомочий)» [Капелюшников 2004]. В последнем случае собственность осмысливается не как абсолютное право одного собственника на предмет, а как набор дискретных прав на один объект, которые распределяются между различными агентами<sup>2</sup>. В то же время существуют расхождения между различными подходами по поводу того, каким образом они понимают характер отношений собственности и содержание «пучка прав». По дисциплинарному признаку можно выделить три основных подхода: юридический, экономический и социологический.

Юридический подход, разработанный в рамках американской школы правового реализма, рассматривает отношения собственности в формальном смысле [Singer 2000], т.е. как отношения между агентами, имеющими определенный правовой статус (собственники, арендаторы и т.д.). «Пучок правомочий» с точки зрения данного подхода также понимается, скорее, как набор формальных юридических прав. Экономический подход, разработанный в первую очередь в рамках экономической теории прав собственности [Капелюшников 1990], расширяет понимание отношений собственности и рассматривает их не только как правовые отношения, но и как отношения, в которых важную роль играют и неформальные механизмы. Экономический подход, опираясь на свои базовые теоретические постулаты – методологический индивидуализм и рациональный выбор, трактует отношения собственности как отношения между автономными рациональными индивидами, максимизирующими свои усилия для достижения прибыли, в чем и заключается главная функция собственности. В этом случае права собственности являются институтом, позволяющим снизить транзакционные издержки и уменьшить неопределенность [Demsetz 1967; Alchian, Demsetz 1973]. Важно отметить, что для экономического подхода собственность – это, скорее, «пучок» прав, а не обязанностей и ограничений.

В своем исследовании автор опирается на третий подход к анализу собственности – социологический: под социологическим подходом понимается широкий набор

<sup>2</sup> Подробное перечисление одиннадцати элементов «пучка правомочий», которые выделяет правовед А. Оноре, см. [Капелюшников 2004].

схожих идей, развиваемых не только в социологии<sup>3</sup> [Logan, Molotch 1987; Carruthers, Ariovich 2004; Azuela 2007], но и в правоведении [Singer 2000] и социальной (культурной) антропологии [Hann 1998; Benda-Beckmann, Benda-Beckmann, Wiber 2009]. Объединяющей идеей данного подхода является идея рассмотрения отношений собственности как социальных отношений. Таким образом, в отличие от юридического подхода для социологического подхода важным является не только правовой статус, но и взаимосвязанный с ним социальный статус, который складывается из нескольких позиций: социально-экономический (классовый) статус, принадлежность к той или иной культурной, расовой или этнической группе, гражданство и т.д.

В отличие от экономического подхода социологический подход рассматривает собственность не только как права, но и обязательства и ограничения, которые налагаются со стороны как государственных агентов, так и со стороны локального сообщества [Singer 2000, p. 16]. В любой без исключения стране мира действуют законы, ограничивающие права собственности: целевое назначение земли, правила зонирования городских территорий, право экспроприации собственности ради общественной пользы за компенсацию и т.д. С точки зрения социологического подхода нельзя противопоставлять институт собственности и государственную власть; собственность сама по себе является формой власти; собственность – это не просто право исключать, но это в первую очередь *власть* исключать [Azuela 2007].

Другое важное отличие социологического подхода от экономического – это аргумент о многофункциональности собственности. Исходя из этого аргумента, собственность выполняет не только экономическую функцию (порождение капитала), но и ряд других: поддержание индивидуальной и групповой идентичности, воспроизводство политического порядка и социального неравенства и т.д. [Benda-Beckmann, Benda-Beckmann, Wiber 2009]. Данные функции могут вступать в противоречие друг с другом: так, например, в своей концепции «машин городского роста» Логан и Молоч рассматривают то, как коалиции элит выдвигают на повестку дня идею экономического развития города и пытаются использовать земельные ресурсы, исходя из принципа меновой стоимости, т.е. с целью извлечения максимальной экономической прибыли. В тоже время рядовые горожане рассматривают свое место проживания, исходя из принципа потребительской стоимости [Logan, Molotch 1987].

Таким образом, опираясь на идею собственности как «пучка прав», под категорией «собственники» автор будет понимать не только частных законных собственников, но и других обладателей ограниченных прав – арендаторов, а также неформальных собственников, которые, хотя и не имеют легальных прав на имущество, де-факто им владеют. При этом в статье рассматривается не только правовой статус собственников, но и их социальный статус. Также будет проанализирован процесс изъятия собственности в социально-экономическом и политическом контекстах. В первом случае будет показано, каким образом на этот процесс влияет доминирующий режим собственности, а во втором случае – каким образом оказывает влияние господствующий политический режим.

## **Олимпийские игры: взгляд критической парадигмы**

В 1894 г. по инициативе барона Пьера де Кубертена был создан Международный Олимпийский комитет, целью которого стало «возрождение» Олимпийских игр, проводившихся в античной Греции. В 1896 г. в Афинах была проведена первая

<sup>3</sup> По мнению некоторых авторов, в современной социологии уделяется недостаточное внимание проблемам собственности в отличие от экономической теории и политологии [Azuela 2007].

летняя Олимпиада. В течение XX в. Олимпийские игры превратились в главное спортивное событие в современном мире. Несмотря на отсылки к прошлому, Олимпийские игры современности в отличие от игр античности представляют собой принципиально иной феномен, а именно продукт модернистской эпохи [Roche 2000].

В социальных науках феномен Олимпийских игр исследуется с точки зрения трех парадигм: дескриптивной/прагматической, управленческой и критической [Toohey, Veal 2007, p. 3–5]. Дескриптивная парадигма в основном используется в исторических исследованиях олимпийского движения. Ученые, работающие в рамках данной парадигмы, используя архивные материалы, пытаются выявить лакуны и разрушить существующие мифы в олимпийской истории. В рамках управленческой парадигмы работают преимущественно экономисты, которые проводят анализ как экономических, так и неэкономических выгод и издержек Олимпийских игр и предлагают рекомендации по их оптимизации<sup>4</sup>.

В данной статье рассматривается феномен Олимпийских игр с точки зрения критической парадигмы. Исследователи, работающие в рамках этой парадигмы, анализируют Олимпийские игры в широком социальном контексте, и в первую очередь они рассматривают Олимпиады через призму социального неравенства. Эта парадигма используется в политэкономических, социологических и культурологических исследованиях. В рамках критической парадигмы можно выделить такие подходы как неомарксизм, феминизм, коммунитаризм и другие [Toohey, Veal 2007, p. 3–5]. Далее автор более подробно остановится на идеях этой парадигмы, которые являются важными для данного исследования. Раскрывая основные положения критической парадигмы, будут показаны общие тенденции, характерные для всех олимпийских проектов, и таким образом будет проверена «элитная гипотеза».

Олимпийские игры в современном мире – это не просто спортивный праздник, но и событие, погруженное в политический контекст [Espy 1979; Andranovich, Burbank, Heying 2001], и событие, тесно связанное с капиталистической экономикой [Hill 1992; Lenskyj 2008]. Хелен Ленски для характеристики феномена Олимпийских игр современности применяет понятие «олимпийская индустрия». Используя в этом словосочетании слово «индустрия», Х. Ленски подразумевает, что олимпийское движение имеет много общего с транснациональными корпорациями, которые являются олимпийскими спонсорами. Таким образом, Х. Ленски бросает вызов некритическому использованию таких понятий как «олимпийское движение», «олимпийская семья» и «олимпийский дух», с помощью которых, по ее мнению, скрываются истинные мотивы олимпийской индустрии – достижение власти и извлечение прибыли. Следовательно, олимпийская индустрия тесно связана с глобальным капитализмом и собственно сам спорт в рамках этой индустрии является второстепенным компонентом [Lenskyj 2008, p. 1–2].

Олимпийские игры, начиная с первой Олимпиады в Афинах 1896 г., имели большое политическое значение. Они служили для демонстрации политических успехов принимающей страны, национальной идентичности и/или превосходства ее господствующей идеологии (яркими примерами являются Олимпиады 1936 г. в Берлине и 1980 г. в Москве) [Toohey, Veal 2007]. При этом важно отметить, что в отличие от политического значения экономическая роль Олимпийских игр на протяжении XX в. существенно менялась. До 1960-х гг. на Олимпийские игры тратились относительно небольшие деньги, и это соответственно приводило к незначительным инфраструктурным изменениям пространства принимающих городов. Начиная с 1960-х гг., расходы существенно увеличились, что привело

<sup>4</sup> См., напр.: [Нуреев, Маркин 2008; Нуреев, Маркин 2010].

к кардинальной трансформации облика олимпийских городов [Chalkley, Essex 1999]. До 1984 г. расходы на Олимпийские игры нередко превосходили доходы, то уже Олимпиада 1984 г. в Лос-Анджелесе была экономически выгодным мероприятием. Именно с 1984 г., по мнению ряда исследователей, начался процесс коммерциализации Олимпийских игр [Tomlinson 2005; Smith 2005]. С этого времени игры притягивают все больше внимания со стороны транснациональных корпораций, выступающими олимпийскими спонсорами [Ponsford, Agrawal 1999].

В результате коммерциализации игр в конце XX – начале XXI вв. все больше городов стали конкурировать за проведение Олимпиады. Если на проведение Олимпийских игр 1984 г. претендовал только один город – Лос-Анджелес, то, например, за право провести Олимпиаду 2004 г. боролись уже одиннадцать городов [Toohey, Veal 2007, p. 66]. Наряду с коммерциализацией игр важной причиной включения многих городов в олимпийскую гонку является изменение, которое происходит в экономике городов (в первую очередь развитых стран), – деиндустриализация. Именно этот процесс признается одной из причин, заставляющих города бороться за привлечение международных фестивалей (в том числе и Олимпийских игр) [Smith 2009]. Олимпийские игры на рубеже XX–XXI столетий превратились в инструмент, с помощью которого создается позитивный имидж и репутация города мирового класса [Burbank, Heying, Andranovich 2000, p. 356; Kasimati 2003; Short 2004]. Предполагается, что создание благоприятного имиджа для города приведет к развитию туризма и привлечению потенциальных инвесторов [Kasimati 2003; Hiller 2006; Smith 2009], к созданию новых рабочих мест и новых возможностей для малого бизнеса [Kasimati 2003]. Таким образом, Олимпийские игры превратились в «катализатор городских изменений» [Essex, Chalkley 1998], инструмент развития городской экономики и способ трансформации городского пространства [Chalkley, Essex 1999; Roche 2000; Gold and Gold 2006]. Дополнительным мотивом проведения Олимпийских игр для городов в развивающихся странах является также желание продемонстрировать всему миру, что они придерживаются международных правовых норм, уважают права человека [Green 2003]. В целом организаторы легитимируют Олимпийские игры как возможность улучшения общественного благосостояния, как общее благо для всех жителей принимающих городов [COHRE 2007].

Несмотря на обещания организаторов Олимпийских игр, многие предполагаемые прибыли оказываются преувеличенными, а издержки непредвиденными [Whitson, Horne 2006]. Например, по мнению А. Томлинсона, представление о том, что Олимпиады приводят к бурному развитию туризма в олимпийских городах, за исключением Барселоны, является мифом [Tomlinson 2005, p. 188]. Олимпиады не приводят к обещанному экономическому процветанию, создание «туристических пузырей» для международных фестивалей, не ведут к улучшению жизни городской бедноты, и фактически общество оплачивает частные интересы [Andranovich, Burbank, Heying 2001]. Главными бенефициариями Олимпийских игр становятся политические и экономические элиты принимающих стран и городов, а также верхушка транснациональных корпораций; главными проигравшими – представители малоимущих слоев населения [Hiller 1990; Hiller 1998; Lenskyj 2008; Whitson 2005; Whitson, Horne 2006].

Олимпийские игры представляют собой яркий пример деятельности так называемых «машин городского роста» [Burbank, Heying, Andranovich 2000; Suborg, VanWynsberghe, Wyly 2008]. Именно «машины роста» (коалиции элитных групп) выдвигают на повестку дня развитие города, региона или страны. В качестве одной из стратегий развития данные коалиции предлагают проведение Олимпийских игр [Andranovich, Burbank, Heying 2001], при этом фактически решение об олимпийской заявке принимается на недемократической основе [Hiller 1998]. Олимпиада становится легитимным поводом перераспределения собственности –

крупномасштабной передачи ресурсов от одних собственников и пользователей к другим собственникам [Cheyne 2009, p. 408]. Таким образом, «олимпийские машины роста» [Suborg, VanWynsberghe, Wjly 2008] следуют принципу меновой стоимости собственности (exchange value), в ущерб потребительской стоимости (use value); или другими словами элитные коалиции стремятся любыми способами запустить объекты собственности (прежде всего, недвижимость) в рыночный оборот и тем самым извлечь из этого оборота прибыль, не особенно считаясь с тем, что эта собственность может выполнять также и другие функции. Кроме этого, Олимпийские игры являются хорошим поводом для приватизации публичного пространства (парков, пляжей и других мест общего пользования) [Smith 2009, p. 113]. Часто олимпийские проекты оплачиваются из публичных фондов [Andranovich, Burbank, Heying 2001; Horne 2007, p. 84].

Во время подготовки к Олимпийским играм задействуется механизм принудительного изъятия собственности (земельных участков, построек) за компенсацию в том случае, если у недвижимости есть юридически признанные собственники, или иногда без компенсации, если у владельцев нет законных прав на недвижимость [Porter 2009, p. 398; Raco, Tunney 2010]. Так как к Олимпиаде необходимо подготовиться в сжатые сроки, принимаются специальные законы, которые сворачивают существующие до Игр процедуры изъятия и вводят новые процедуры, которые значительно облегчают для организаторов изъятие собственности [Hiller 1998; Olds 1998; Green 2003, p. 178; Lenskyj 2008].

Чаще всего для строительства олимпийских объектов организаторы выбирают трущобные «депрессивные» районы, население которых состоит из малоимущих слоев населения [Olds 1998, p. 40–41; Raco, Tunney 2010]. Но даже в том случае, если организаторы выбирают для строительства районы без жилищной застройки (например, промышленные зоны), чтобы избежать принудительного выселения, это обстоятельство все равно влияет на близлежащие районы, например, приводит к росту цен на землю и жилье, росту арендной платы, и, следовательно, приводит к вытеснению некоторых групп населения [Hiller 1998, p. 52]. Таким образом, выселение может быть как прямым (в форме непосредственного изъятия недвижимости у частных собственников или неформальных владельцев и вытеснения арендаторов из районов строительства олимпийских объектов), так и косвенным, когда близлежащие районы подвергаются джентрификации, в результате которой некоторые собственники и арендаторы вынуждены переезжать в другие части города [Olds 1998; Kasimati 2003; Green 2003; Lenskyj 2008; Porter 2009, p. 398]. Особенно жестко власти действуют в отношении неформальных собственников (скваттеров), их стараются вытеснить как из районов строительства олимпийских объектов, так и из других частей города, несмотря на отсутствие строительства [Green 2003, p. 177].

Таким образом, группа проигравших горожан не является однородной. С одной стороны, это мелкие частные собственники и представители малого бизнеса, с другой – арендаторы жилья, скваттеры и бездомные. Если первая группа горожан может рассчитывать на денежное или натуральное возмещение убытков за изъятую недвижимость, то вторая группа в редких случаях получает подобную компенсацию. Можно сказать, что в этом случае частными собственниками оказываются победителями среди проигравших, а арендаторы, скваттеры и бездомные – проигравшими среди проигравших. Но, несмотря на то, что частные собственники получают компенсацию, она не всегда является адекватной (т.е. соответствует рыночной стоимости) в условиях олимпийского роста цен на недвижимость. В результате Олимпийских игр богатые становятся еще богаче, а бедные еще беднее и подвергаются дальнейшей маргинализации [Short 2004; Lenskyj 2008]. Другим важным негативным последствием Олимпийских игр является разрушение социальных сетей и неформальной экономики в локальных сообществах [Olds 1998, p. 5; Green 2003, p. 183].

В то же время Олимпийские игры – это событие, которое привлекает внимание всего мира и таким образом дает возможность жителям олимпийских городов сделать видимыми локальные проблемы, которые в ином случае никто бы не заметил [Raco, Tunney 2010]. Мировая «видимость» данного события позволяет жителям бросить вызов доминирующей идеологии и организаторам Игр [Smith 2009]. Несмотря на разрушение социальных сетей, это парадоксальным образом приводит к мобилизации жителей локальных сообществ [Green 2003, p. 183] против олимпийских «машин роста» [Suborg, VanWynsberghe, Wyly 2008].

Практически в каждом городе, претендующем на проведение Игр, создаются общественные движения, выступающие против олимпийской заявки [Lenskij 2008]. Некоторые общественные движения добиваются определенного успеха, например, организация «Хлеба, а не зрелищ» (Bread not Circuses) в Торонто отчасти повлияла на то, что этот город дважды, претендующий на проведение игр, так и не достиг своей цели [Lenskij 2008]. После того как МОК выбирает олимпийскую столицу, у общественных движений, как правило, мало шансов отменить Олимпиаду, поэтому движения переключаются на другие цели: защита прав арендаторов, скваттеров, бездомных, в общем, всех тех, чьи условия жизни ухудшаются из-за Игр. Сила антиолимпийского сопротивления во многом определяется следующими условиями:

- 1) наличием действующих общественных или политических организаций;
- 2) социально-экономическим статусом членов, входящий в движение – чем выше статус, тем больше шансов на успех [Burbank, Heying, Andranovich 2000, p. 339].

Несмотря на существование общественных движений, они фактически не могут полноценно противостоять «машинам роста» (коалициям элит), и их деятельность принимает форму частичного сопротивления (piecemeal resistance). Данная форма сопротивления предполагает только возможность незначительного изменения или смягчения последствий реализации олимпийских планов [Burbank, Heying, Andranovich 2000].

Таким образом, анализ олимпийских проектов через призму критической парадигмы частично подтверждает «элитную гипотезу», предложенную российскими чиновниками. Действительно, для всех олимпийских городов характерны многие общие практики, в частности, изъятие собственности. Но как было показано в этом разделе, данный процесс имеет неравномерные эффекты для различных групп населения: одни выигрывают, а другие проигрывают. В следующих двух разделах будут рассмотрены различия между олимпийскими городами и проверена «народная гипотеза» о «добрых» и «злых» Олимпиадах, учитывая их разницу в системах собственности и политических режимах. Там же будет проанализирована вторая часть «элитной гипотезы» о всеобщности правового характера изъятия собственности в олимпийских городах.

## **«Добрые» Олимпиады**

На первый взгляд, можно выделить две общие характеристики всех стран, в которых проходили «добрые» Олимпиады: во-первых, относительно стабильный режим собственности, в котором центральное положение занимает институт частной собственности, во-вторых, демократический политический режим (конкуренция политических акторов, верховенство права, независимая судебная власть, свобода слова и т.д.). Далее в отдельных кейсах будет показано, действительно ли эти характеристики влияют на «доброту» Олимпиад и вообще насколько эти Олимпиады являются «добрыми».



*Барселона-1992*

Олимпиада в Барселоне рассматривается как наиболее успешная Олимпиада не только в том, что она способствовали реальному, а не декларативному экономическому развитию города, но и в том, каким образом проводился процесс изъятия собственности [СОНРЕ 2007]. Но несмотря на успешность «барселонской модели» в решении вопроса изъятия собственности, критики все равно считают, что Олимпийские игры отрицательно повлияли на малоимущие слои населения [Lenskyj 2008, p. 43–44].

Выдвижение олимпийской заявки и подготовка к играм проходили в условиях демократизации политического режима в Испании после авторитарного правления Франко и в условиях интеграции страны в европейские и международные структуры. Проведение Олимпийских игр активно поддерживалось тремя политическими институтами, каждая из которых преследовала собственные цели и конкурировала с другими: центральное правительство Испании (социалисты), региональное правительство Каталонии (консервативные националисты) и Городской совет Барселоны (каталонские социалисты во главе коалиции левых сил) [СОНРЕ 2007]. Конкуренция между тремя центрами власти, возможно, стала одной из главных причин успешности «барселонской модели».

В качестве зоны строительства олимпийских объектов были выбраны жилые и промышленные районы города, расположенные вдоль моря. Основная часть населения жилых районов представляла собой группу с невысоким уровнем доходов: часть жителей были мелкими частными собственниками (домовладельцами и землевладельцами), другая часть – арендаторами жилья; также в этом районе имелось несколько неформальных поселений, жители которых не обладали законными правами на собственность, при этом 65% населения этих неформальных поселений составляли цыгане [СОНРЕ 2007, p. 112].

Переговорами по поводу компенсации и экспроприации собственности и переселения занимались две муниципальные компании. Хотя в большинстве случаев решение об изъятии собственности было достигнуто через переговоры, по случаю инициировались правовые процедуры экспроприации, которые использовались как последнее средство [СОНРЕ 2007, p. 101–102]. Переговоры с жителями относительно вопросов компенсации и переселения организаторы Игр старались проводить на индивидуальной основе [СОНРЕ 2007, p. 103]. Общие условия оценки имущества и процесса изъятия были установлены в соответствии со следующими факторами: целевое назначение собственности (промышленное, жилищное или другое); стоимость земли и характеристики дома; тип собственности (частная собственность, аренда и т.д.). Уже после оценки имущества велись переговоры об окончательном виде и размере компенсации с каждой отдельной семьей с учетом состава семьи (количество членов семьи и их возраст) и финансовой ситуации, в которой находилась семья [СОНРЕ 2007, p. 102].

Организаторы Игр предложили следующие варианты компенсации:

1) приобретение дома, построенного на государственные средства по цене ниже рыночной или переселение в дома и квартиры, купленные государством на вторичном рынке жилья. Разница между финансовой компенсацией, выплаченной за изъятый дом, и ценой жилья, в которое переселялись жители, возмещалась ипотечным кредитом (ставка процента была ниже рыночной ставки). Ипотечный кредит составлял от 10 до 40% стоимости нового жилья;

2) аренда дома, принадлежащего государству (рента ниже рыночной стоимости);

3) проживание в государственном доме на условиях пожизненной аренды (в основном этот выбрали пожилые люди);

4) получение денежной компенсации [COHRE 2007, p. 102]. У владельцев промышленных предприятий собственность была напрямую выкуплена организаторами Олимпиады без проведения обычного в этих случаях открытого аукциона. 95% переговоров с собственниками промышленных предприятий закончились взаимным соглашением и 5% были изъяты через суд [COHRE 2007, p. 105].

В результате было переселено 600 семей [COHRE 2007, p. 103]. Таким образом, в Барселоне почти удалось избежать конфликта, связанного с принудительным выселением, и все переселенцы, в том числе и жители неформальных поселений, получили компенсацию. Однако в процессе переселения не обошлось без проблем: т.к. жилье для переселенцев нередко покупали на вторичном рынке, не всегда удавалось компактно поселить людей, которые десятилетиями проживали в одном сообществе, и в результате разрушались сложившиеся социальные связи. Поэтому некоторые поселенцы требовали переселения в том же самом районе на коллективной основе, и по возможности эти требования выполнялись [COHRE 2007, p. 103]. Но другая ситуация сложилась с переселением цыганских семей: в этом случае организаторы сознательно пытались избежать концентрации цыган-переселенцев на новом месте жительства, при этом власти объясняли расселение цыган в разных частях города желанием предотвратить образование «гетто» и избежать враждебности со стороны местных жителей [COHRE 2007, p. 109].

Подготовка к Олимпийским играм повлияла не только на жителей, проживающих в зоне строительства спортивных объектов, но на жителей Барселоны в целом. В Барселоне в период с 1986 по 1993 гг. цены на жилье выросли на 139%, арендная плата повысилась на 145% [COHRE 2007, p. 95]. Рост цен на жилье и повышение арендной платы привел к тому, что жилье стало недоступным для некоторых категорий населения Барселоны (молодые и пожилые люди, получатели низких доходов), и они были вынуждены переселяться из центральных районов в дальние пригороды; этот переезд, в свою очередь, повлиял на их доступ к работе и образованию. В этот период в городе резко сократилось строительство государственного социального жилья, но при этом наблюдался бум частного строительства. В период с 1984 по 1992 гг. Барселону покинули 59000 жителей [COHRE 2007, p. 107–108].

### *Атланта-1996*

В отличие от Барселоны, в Атланте конкуренция между политическими институтами не наблюдалась; также в США относительно слабо, по сути, защищены жилищные права граждан. Вероятно, по этой причине подготовка к Играм в Атланте породила больше социальных издержек, чем Олимпиада в Барселоне.

Атланта – один из самых сегрегированных по расовому принципу городов США: до Олимпиады в центральной части города проживали малоимущие группы населения, в основном афроамериканцы, в пригородах селились белые жители – представители среднего и высшего класса [COHRE 2007, p. 114]. Но Олимпийские игры изменили социальный ландшафт Атланты. Важным механизмом этого преобразования стал принцип изъятия собственности, в первую очередь публичной собственности и ее передачи в частные руки. Первоначально организаторы обещали, что Олимпиада будет полностью оплачена частными инвесторами, но в результате это обещание не было выполнено. Для организации Игр были привлечены значительные публичные фонды, не только финансовые (к 1995 г. было потрачено 350 млн долл.), но и земельные ресурсы, находящиеся в государственной собственности (две трети олимпийских объектов были построены именно на этих земельных участках) [COHRE 2007, p. 116].

Подготовка к Олимпийским играм в Атланте имела три ключевых последствия для населения города, в первую очередь для малоимущих групп:

- 1) выселение жителей бедных районов;
- 2) криминализация и аресты бездомных;
- 3) усиление процесса джентрификации [COHRE 2007, p. 113].

В результате подготовки к Олимпийским играм 2077 единиц публичного жилья были снесены и 5813 жителей выселены. 25000 жильцов были лишены жилья из-за повышения арендной платы [COHRE 2007, p. 120]. Так, например, в районе Techwood/Clark-Howell, в котором не строились олимпийские объекты, но который находился поблизости от них, из муниципального жилья были выселены около 1000 домохозяйств (от 3600 до 4300 жителей), при этом только 44% получили пособия на переселения. В данном районе было построено элитное жилье, проданное потом по рыночным ценам частным владельцам [COHRE 2007, p. 120]. Новыми владельцами жилья в перестроенных районах в основном становились белые жители пригородов, представители среднего и высшего классов. Так, Кирквуд из района, в котором проживали почти 100% афроамериканцев, в основном арендаторов муниципального жилья, в течение 1990-х гг. превратился в район, где поселилось почти 100% белых частных собственников [COHRE 2007, p. 122].

### *Сидней-2000*

Важное отличие Сиднея от других олимпийских городов состоит в том, что возведение спортивных объектов велось на свободных земельных участках, находящихся в государственной собственности. Благодаря этому обстоятельству в Сиднее не проводилось принудительное изъятие собственности непосредственно в зоне олимпийского строительства [COHRE 2007, p. 126]. Но в любом случае Олимпийские игры привели к росту арендной платы и цен на недвижимость, что негативно отразилось на арендаторах, чьи права слабо защищены австралийскими законами [COHRE 2007, p. 126, 131]. При этом арендная плата на социальное жилье не повысилась, но количество социального жилья являлось недостаточным в условиях роста численности населения города [COHRE 2007, p. 141]. В Сиднее велась дискуссия между организаторами Игр и представителями общественных организаций о будущем использовании объектов Олимпийской деревни. Активисты требовали, чтобы жилье в Олимпийской деревне стало социальным, но в результате оно было продано по рыночным ценам [COHRE 2007].

В первую очередь негативные последствия коснулись жителей с низкими доходами – австралийских аборигенов. Несмотря на то, что они представляли около 2% населения Австралии, именно аборигены составляли треть арендаторов, а среди бездомных австралийских аборигенов в 20 раз больше, чем представителей некоренных народов [Lenskyj 2002, p. 91–92]. Возможно, последнее обстоятельство повлияло на то, что в Сиднее не преследовали бездомных и позволили им оставаться в городе во время самой Олимпиады [COHRE 2007, p. 140]. Во время подготовки к Олимпиаде активисты, представляющие интересы австралийских аборигенов, пытались привлечь международное внимание к нарушениям прав коренных жителей, в том числе их прав на землю [COHRE 2007, p. 139].

### *Афины-2004*

При рассмотрении ситуации с афинской Олимпиадой важно учитывать, что Греция является страной с высокой долей частных собственников жилья: например,

в 2001 г. они составляли приблизительно 80% населения Греции. В городах, в частности, в Афинах, процент собственников был пониже, но в любом случае достаточно высокий по сравнению с другими олимпийскими городами: например, в столице Греции около 70% населения являлись собственниками, и соответственно около 30% – арендаторы. Таким образом, рынок жилья в Греции был ориентирован на куплю-продажу, а не на аренду [COHRE 2007, p. 142]. Во многом благодаря этим причинам Олимпийские игры не привели к существенному росту цен на недвижимость в Афинах, и в результате последствия Олимпиады для арендаторов не были такими плачевными, как в других олимпийских городах.

Специально для Олимпийских игр в Греции были принят закон, в соответствии с которым экспроприацию собственности можно было проводить в ускоренном порядке. Так, например, судебное разбирательство по поводу изъятия проводилось в течение 30 дней, вместо 5–6 месяцев по старым правилам [COHRE 2007, p. 145]. Процесс изъятия недвижимости у частных собственников в Афинах проходил без серьезных конфликтов. Компенсация, которая выплачивалась собственникам, соответствовала рыночной стоимости, а в некоторых случаях была даже выше рыночной стоимости [COHRE 2007, p. 145]. В результате организаторы Игр избежали судебных тяжб и проявления протеста со стороны жителей Афин.

Совершенно по-другому власти решали вопрос об экспроприации недвижимости у жителей неформальных поселений. В этом случае решение этого вопроса принималось на основе двух критериев: этничности и гражданства. Если скваттеры были греками (или представителями нецыганских общин), то они могли рассчитывать на получение субсидии взамен изъятной недвижимости (но только при условии отсутствия у них другой собственности) [Dimopoulou 2009]<sup>5</sup>. Если скваттерами являлись цыгане, то чаще всего им не выплачивалась компенсация, и максимум на что они могли рассчитывать, это получение денежного пособия, покрывающего аренду нового жилья, но только в том случае, если они были гражданами Греции: например, албанским цыганам данное пособие не выплачивалось. При этом до Олимпийских игр существовали программы по расселению цыган, но в связи с подготовкой к Олимпиаде все эти программы были свернуты [COHRE 2007, p. 143–150].

### *Лондон-2012*

В Лондоне также, как и в других олимпийских городах, была выдвинута на повестку дня идея развития и обновления города. В частности, еще в заявке организаторы подчеркивали, что Олимпийские игры также принесут большие блага для местного сообщества [McGurk, Tsahuridu 2009]. Для возведения олимпийских объектов организаторы выбрали районы Восточного Лондона, наименее развитой части города. Основное население этих территорий – получатели низких доходов, представители этнических меньшинств (индийцы, пакистанцы, цыгане, ирландские травеллеры). Большинство населения районов Восточного Лондона проживало в муниципальном и кооперативном жилье, а для цыган и ирландских травеллеров местными властями отводились специальные места для возведения временного жилья [COHRE 2007]. Также на территории будущего олимпийского строительства было немало коммерческих фирм, которые выбрали этот район, с одной стороны, из-за относительно невысокой стоимости земли, с другой – из-за близости к центральным районам города. Среди владельцев этих фирм

<sup>5</sup> Е. Димопулу в своем докладе не пишет об этничности скваттеров, но в сопоставлении с докладом COHRE можно сделать вывод о том, что скваттеры, которые получали компенсацию, не были цыганами.

были как частные собственники земли, так и арендаторы [Raco, Tunney 2010, p. 2077–2078].

Недвижимость для Олимпийских игр в Восточном Лондоне изымалась принудительно, и оспорить факт изъятия было невозможно даже в суде. После изъятия земля продавалась частным застройщикам, тем самым организаторы пытались окупить экономические издержки от проведения Олимпиады [Cheyne 2009]. Жителей из изъятых домов переселяли в другие районы города, при этом выплачивая им денежные компенсации. Для цыган и травеллеров выделялись новые места для их стоянок, также компенсируя это денежными суммами [COHRE 2007, p. 184–185]. При этом организаторы Олимпиады не учитывали, что переселенцы теряли доступ к месту работы, инфраструктура на новом месте жительства была хуже, чем в прежнем месте проживания. Переселение происходило на индивидуальной основе, что в результате привело к разрушению сложившихся социальных связей в местных сообществах [Cheyne 2009, p. 405].

Также принудительно изымалась земля у предприятий малого бизнеса, расположенных в районе олимпийского строительства. К 2007 г. из Восточного Лондона были вынуждены переехать около 200 фирм [Raco, Tunney 2010, p. 2078]. Процесс изъятия земли происходил довольно болезненно для предпринимателей, поскольку оценка их земли была сделана еще до победы олимпийской заявки Лондона, при этом компенсация могла составлять 20–30% от первоначальной стоимости, по которой был изначально куплен участок [COHRE 2007, 175–182]. В тоже время переезд около 200 фирм одновременно привел к стремительному росту цен на недвижимость в соседних районах, что стало серьезным препятствием для покупки земельных участков на новом месте [Raco, Tunney 2010, p. 2078]. Другим негативным последствием для фирм стало разрушение сложившихся связей с поставщиками и потребителями, что отрицательно отразилось на конкурентоспособности их бизнеса [Raco, Tunney 2010, p. 2079].

\*\*\*

Таким образом, можно утверждать, что первая часть «народной» гипотезы жителей Сочи о «добрых» Олимпиадах за рубежом не подтверждается. Возможности частных собственников избежать изъятия были довольно ограничены (в том числе и через суд). Еще меньше таких возможностей было у других правообладателей (неформальные собственники, арендаторы и др.). Несмотря на то, что собственники получали денежное или натуральное возмещение, по их мнению, оно не всегда было «справедливым». Компенсация не всегда производилась по рыночным ценам и практически не учитывалась потребительская стоимость собственности. Несмотря на то, что изъятие собственности в этих городах в целом происходило в правовых рамках, по крайней мере, на уровне процедурных правил, на практике иногда применялись двойные стандарты к разным группам населения (например, к цыганам Барселоны и Афин).

### «Злые» Олимпиады

В этом разделе будут рассмотрены две «злые» Олимпиады: Сеул-1988 и Пекин-2008. Общей особенностью стран, где проходили «злые» Олимпиады, является авторитарный политический режим: отсутствие верховенства права, зависимость судебной системы от исполнительной власти и т.д., при том что между этими

странами существует различия в режимах собственности. В Южной Корее – режим частной собственности (но достаточно нестабильный по сравнению с западными странами), а в Китае – режим государственной собственности. Далее будет показано, каким образом эти два условия повлияли на процесс изъятия собственности в этих двух городах и насколько эти Олимпиады являются «злыми» по сравнению с «добрыми».

### *Сеул-1988*

Во второй половине XX в. Южная Корея переживала бурный процесс урбанизации: численность городского населения стремительно росла в первую очередь за счет сельских мигрантов. Основные потоки миграции устремились в столицу страны – Сеул, в результате чего численность его населения выросла с 2,5 млн чел. в 1962 г. до 10 млн чел. в 1988 г. [Green 2003, p. 170]. Многие мигранты, не имея возможностей купить жилье, были вынуждены незаконно селиться и самостоятельно строить свои дома на земле, находящейся в частной или государственной собственности: в 1970 г. около трети жилых строений в Сеуле являлись нелегальными [Kim 2001, p. 191–193], а в 1983 г., по меньшей мере, 13% населения Сеула проживало в неформальных поселениях [COHRE 2007, p. 81].

Начиная с 1970-х гг., в Сеуле проводилась активная политика, направленная на перепланировку города, которая предполагала снос или перестройку неформальных поселений. Для этой цели с 1973 г. в Сеуле на месте неформальных поселений создавались так называемые районы «перепланировки нестандартного жилья». На этих территориях государственная земля передавалась скваттерам по цене намного ниже рыночной, т.е. скваттеры становились частными собственниками. Предполагалось, что предоставление прав собственности приведет к расширению возможностей бывших скваттеров для самостоятельной перестройки своего жилья. Городские власти в этом процессе выполняли важные функции: финансирование, строительство инфраструктуры в этих районах и т.д. В результате эта политика привела к весьма скромным успехам: с одной стороны, постоянно ощущался недостаток государственного финансирования, с другой, бывшие скваттеры из-за бедности не имели возможностей для перестройки своих домов [Kim 2001].

В 1983 г. был принят закон, который предполагал совершенно новую программу перепланировки города. Принятие данного постановления совпало с выбором Сеула в качестве столицы Олимпиады-1988, и во многом новая программа служила целям подготовки города к Олимпийским играм. В новых районах «нестандартного жилья» права частной собственности также передавались неформальным собственникам. Далее в этих районах создавались кооперативы, в которые входили ассоциации собственников и частные строительные компании (при этом арендаторы первоначально исключались из этого процесса). Данные кооперативы организовывались по принципу долевого участия в строительстве: ассоциации собственников передавали недвижимость, а частные строительные компании несли издержки по перестройке района. Взамен недвижимости собственники получали компенсацию или сертификаты, которые им предоставляли преимущественное право на покупку квартиры в новых многоэтажных домах, построенных на месте снесенного «нестандартного жилья», а строительные компании в свою очередь получали доход от продажи оставшихся квартир. В этом случае городское правительство почти полностью самоустранилось из этого процесса и выполняло только функцию контроля. В частности, вопросами изъятия собственности должны были заниматься строительные компании [COHRE 2007, p. 86].

Процесс изъятия собственности и выселения жителей не обошелся без серьезных проблем и конфликтов. В первую очередь от этого процесса пострадали арендаторы помещений, которые составляли 55% домохозяйств в районах «нестандартного жилья» [Kim 2001, p. 205]. Арендаторы, как было отмечено выше, исключались из отношений между собственниками и строительными фирмами: небольшие субсидии на переселение были недостаточны, чтобы обеспечить их жилищные нужды [Kim 2001, p. 206]. Формально выселять арендаторов должны были собственники, но в реальности этим занимались строительные компании, которые нанимали для этих целей частные охранные фирмы (по мнению местных жителей, в этих фирмах «работали убийцы и бандиты»). Именно частные охранные компании участвовали в принудительном выселении и подавлении протеста жителей этих районов. В том случае, если охранные фирмы не справлялись, то им на помощь приходили полицейские. Во многом по этой причине для Сеула, в отличие от других олимпийских городов, был характерен высокий уровень проявления насилия в отношении местного населения [COHRE 2007, p. 86]. В дальнейшем под влиянием протестных акций арендаторам пошли на некоторые уступки, и им были предоставлены сертификаты, которые давали право аренды в новых домах, построенных на территории бывших неформальных поселений или в государственном недорогом жилье [Kim 2001, p. 205].

Несмотря на то, что частные собственники оказались в более выгодном положении, в отличие от арендаторов, только 20% домовладельцев приобрели квартиры по сертификатам и остались на своем прежнем месте жительства [Kim 2001, p. 206]. Собственники не всегда могли воспользоваться сертификатами, так как цена нового жилья нередко превышала стоимость сертификата. Поэтому они были вынуждены продавать эти сертификаты, а на вырученные деньги покупать жилье на городских окраинах. Часто это приводило к ухудшению условий жизни бывших неформальных собственников [COHRE 2007, p. 90].

В результате в период подготовки к Олимпийским играм в Сеуле 48000 жилых зданий были снесены, а 720000 жителей выселены [COHRE 2007, p. 87]. Одним из негативных последствий стало разрушение социальных связей в местных сообществах, которые подверглись выселению [Green 2003, p. 182–183]. Программа перестройки города, тесно связанная с олимпийским проектом, в большей степени служила интересам частных строительных компаний и нового среднего класса, а не интересам малоимущих групп населения [Kim 2001, p. 209].

### Пекин-2008

Важной особенностью Китая в отличие от других стран, принимавших Олимпийские игры, является режим земельной собственности, центральное положение в котором занимает институт государственной собственности. При этом институт частной собственности на землю как в сельской, так и городской местности отсутствует. В то же время с 1986 г. в Китае признаются индивидуальные права собственности в форме прав на использование земли, которые являются объектом купли-продажи на рынке, но данные сделки происходят под контролем государственных чиновников [Wang 2006, p. 606]. По мнению Питера Хоу, институциональная неопределенность в сфере отношений собственности на землю в Китае создается преднамеренно для того, чтобы избежать социальных конфликтов, а с другой стороны, дать больше возможностей государству в лице бюрократии в перераспределении земли для различных экономических целей [Ho 2001].

В последние десятилетия в Китае происходит стремительная урбанизация, в результате которой растет численность городского населения, города кардинально

меняют свой облик. Если до 1980-х гг. жилищное строительство и жилищный фонд были полностью государственным, то в последние десятилетия значительная доля жилья и предназначенного для продажи на рынке возводится частными компаниями. В результате происходит сокращение государственного жилищного фонда и соответственно сужение возможностей некоторых групп городского населения, которые не могут приобрести коммерческое жилье, в первую очередь это касается мигрантов. Из 16 млн чел., проживающих в Пекине в 2007 г., приблизительно 3,6 млн чел. являлись мигрантами, которые вынуждены в основном проживать в так называемых *chengzhongcun* (дословно «деревни в городе») – незаконных поселениях, расположенных на окраинах Пекина [COHRE 2007, p. 165].

Интенсивное строительство в Китае привело к частому изъятию имущества, и следовательно это потребовало защиты прав собственников. В 2004 г. в Китае была принята поправка к Конституции, которая гарантировала в случае изъятия собственности для общественного использования выплату компенсации [Wang 2006, p. 607]. Но, несмотря на это, в Китае до сих пор сохраняется серьезный разрыв между писаным правом и реальными практиками правоприменения [Wang 2006, p. 601]. Для реальных практик характерны коррупционные отношения, в которых частные застройщики вступают в сговор с местными чиновниками, контролирующими процесс изъятия. В результате компенсация либо вообще не выплачивается, либо сильно занижена. В этих условиях авторитарного политического режима у собственников достаточно мало возможностей, чтобы отстаивать свои права – СМИ и суды находятся под жестким контролем исполнительной власти [COHRE 2007]. Ярким примером проявления данного процесса является олимпийский проект в Пекине.

Олимпийский план предполагал продолжение перепланировки Пекина, которая началась с 1990-х гг. Переустройство должно было происходить, во-первых, в историческом центре города, значительную часть которого составляет старая малоэтажная застройка, во-вторых, на окраинах Пекина в «городских деревнях» (именно там воздвигли основные олимпийские объекты) [COHRE 2007, p. 159]. Главная цель реконструкции центральной части города состояла в том, чтобы вместо старой жилой застройки построить коммерческие и правительственные офисы, торговые центры и т.д. [COHRE 2007, p. 160]. В те годы основная часть населения исторического центра состояла из малоимущих горожан, которые имели легальные права собственности на свое жилье. Также в этих районах проживали арендаторы, в основном мигранты, которых привлекала относительно невысокая арендная плата. В процессе изъятия собственникам предоставлялась денежная или натуральная компенсация за жилье (при этом за земельные участки по той причине, что они находятся в государственной собственности, компенсации не полагалось). Несмотря на предоставление компенсации, она часто была неадекватной, например, альтернативное жилье предоставлялось на окраинах города. В то же время арендаторы вообще не получали никакой компенсации [COHRE 2007, p. 154–155]. Жители «городских деревень», являвшиеся или неформальными собственниками, или арендаторами, также остались без компенсации [COHRE 2007, p. 154–155].

В результате в период с 2000 по 2008 гг. были выселены 1,5 млн чел. Это не означает, что все они были выселены принудительно и условия жизни у них ухудшились из-за переселения, но, по крайней мере, 20% жителей Пекина из 1,5 млн переселенцев пострадали от олимпийского проекта [COHRE 2007, p. 162]<sup>6</sup>.

<sup>6</sup> Некоторые эксперты считают данные цифры сильно завышенными [Ferguson 2008].



\*\*\*

Таким образом, можно утверждать, что вторая часть «народной» гипотезы о «злых» Олимпиадах подтверждается: собственность часто изымалась или без всякой компенсации, или компенсация являлась «несправедливой». Но эта характеристика «злых» Олимпиад свойственна и для «добрых» Олимпиад. В то же время есть одна особенность, которая действительно отличает «злые» Олимпиады от «добрых». В Сеуле, и особенно в Пекине, несмотря на существование «хороших» законов, которые гарантировали права на компенсацию, реальные практики изъятия собственности серьезно расходились с данными постановлениями. Одна из причин разрыва между «правилами на бумаге» и практиками правоприменения является логика авторитарного политического режима, при которой у собственников мало шансов оспорить незаконные действия представителей власти в условиях слабой судебной системы и отсутствия независимых СМИ. В Пекине эта ситуация усугублялась существованием режима государственной земельной собственности, в котором центральное положение занимают чиновники. В данном случае вторая часть «элитной гипотезы» российских чиновников о том, что изъятие собственности в олимпийских городах везде происходит в правовых рамках, не находит подтверждения.

## Сочи-2014

Общей характеристикой России со странами, проводившими «злые» Олимпиады, является авторитарный политический режим, а со странами, которые проводили «добрые» Олимпиады, и с Южной Кореей у России, на первый взгляд, имеется одна общая черта – режим собственности, в котором центральное место отводится институту частной собственности. Однако в случае России режим частной собственности находится только в процессе формирования и перехода от режима государственной собственности, существовавшего в СССР. Таким образом, данный режим можно охарактеризовать как переходный режим.

Одним из следствий переходности остается относительно широкое распространение в России института неформальной собственности на землю и жилье, т.е. собственности, которая находится в фактическом владении граждан, но при этом в силу разных причин не легализована. Для Южной Кореи (по крайней мере, в период подготовки к Олимпийским играм) также было характерно большое количество неформальных собственников, но в отличие от России, эти собственники являлись скваттерами – незаконными владельцами, которые захватили землю и построили на ней свое жилье. В России большинство неформальных собственников в советское время получали землю и/или жилье от государства и с точки зрения советского права были легальными владельцами. После начала земельной реформы в 1990-е гг. для приобретения прав частной собственности на землю им необходимо было приватизировать (легализовать) свое имущество. Те, кто этого не сделал в силу разных причин, оказались в подвешенном состоянии: с одной стороны, они не являются самозахватчиками земли, а с другой, до прохождения процедуры формализации они не являются и легальными собственниками.

В качестве примера можно привести ситуацию с земельной собственностью в Имеретинской низменности города Сочи. Именно в данном районе в настоящее время возводятся основные олимпийские объекты. По мнению сочинского эксперта, председателя ассоциации собственников жилья Валерия Сучкова, в Имеретинке примерно только 10% жителей имели оформленные права собственности,

т.е. остальные жители фактически были неформальными собственниками. По результатам полевого исследования, в Имеретинской низменности можно выделить следующие группы владельцев недвижимости:

1) «старые владельцы» (староверы и потомки переселенцев после Великой отечественной войны);

2) «самовольщики» (жители «шанхаев», беженцы);

3) «новые владельцы».

Все эти группы получали доступ к недвижимости в разных структурных (исторических) условиях при разных правовых режимах.

Первыми поселенцами в Имеретинке стали староверы, которые получили право использовать землю от царского правительства, т.е. на вполне легальных основаниях того времени. Хотя после революции 1917 г. советская власть урезала земельные участки староверов с одного гектара до 25 соток, они продолжали использовать оставшуюся у них землю под жилье и приусадебное хозяйство. То есть с точки зрения советского государства, право использования этой землей староверами оставалось как легальным, так и легитимным, и со временем эта легитимность только закреплялась. В 1990-е гг. в связи с началом приватизации у староверов происходит расхождение легальности и легитимности, и с появлением новых правил староверы перестали вписываться в узаконенные рамки. Хотя в постсоветский период староверы имели возможность де-юре оформить право бессрочного пользования или право собственности на свои земельные участки, лишь единицы воспользовались данным правом. Высокий уровень легитимности как для жителей Сочи, так и для местных чиновников позволял староверам чувствовать себя собственниками земли и без оформления «ненужных бумажек». В качестве еще одной важной причины нежелания оформлять землю в собственность информанты указывали также и на сложность процедуры узаконивания («бюрократия», «стояние в очередях», «взятки чиновникам»).

По схожим правилам со староверами жили и многие жители совхоза «Россия» – потомки тех людей, которые поселились в Имеретинке в советское время (в основном сразу после Великой отечественной войны). Каждая переселившаяся семья получала земельный участок от совхоза для строительства жилья и для ведения приусадебного хозяйства. Использование земли также было вполне легальным и легитимным в рамках советского правового режима. В 1990-е гг. также как и у староверов у жителей совхоза «Россия» происходит расхождение легальности и легитимности.

Другая особая группа владельцев в Имеретинке – это «самовольщики», жители «шанхаев». В основном эта группа состоит из беженцев, которые оказались в Сочи в конце 1980–1990-х гг. в связи с вооруженными конфликтами в Абхазии, Южной Осетии и Нагорном Карабахе. Одни беженцы осваивали пустоши и строили на них дома без разрешения властей, другие селились в аварийных домах (с разрешения чиновников). Старожилы и представители местной власти рассматривали использование земли беженцами как нелегальное и нелегитимное использование, но жить на этой земле последние продолжали по двум причинам: во-первых, им помогал статус беженцев, с помощью которого они хоть как-то оправдывали свое право на проживание; во-вторых, эти земельные участки не были востребованы со стороны третьих лиц.

И, наконец, третья группа землевладельцев – «новые владельцы». Эта группа состоит как из старожилов, которые в новых условиях де-юре оформили права собственности на землю, так и из тех жителей Сочи, которые покупали недвижимость в Имеретинке в 1990–2000-е гг. и также де-юре оформляли на них права собственности. Таким образом, право «новых собственников» на землю было как легальным, так и легитимным. После победы олимпийской заявки в 2007 г. ситуация в сфере земельной собственности в Имеретинке кардинально изменилась.

Как и в других олимпийских городах, заявку Сочи лоббировала коалиция элитных групп – «машина роста», которая выдвинула на повестку дня идею проведения Олимпийских игр как инструмента экономического развития и города Сочи, и страны в целом. Важно отметить, что в случае России главными инициаторами и основными бенефициариями олимпийского проекта являются не элита Сочи, а, скорее, элиты Москвы и Краснодара (краевого центра)<sup>7</sup>.

В конце 2007 г. был принят так называемый «олимпийский» закон<sup>8</sup>, состоявший из поправок, которые вносили изменения в законодательные акты Российской Федерации. В частности, вводились поправки в Земельный, Жилищный и Гражданский кодексы, которые касались механизма изъятия земли. В «олимпийском» законе существенно сокращалась и упрощалась процедура изъятия земельных участков и жилья у собственников: сначала власти Краснодарского края принимали решение об изъятии земли и уведомляли об этом собственника. В течение семи дней собственник должен был подписать договор с оценочной компанией, которую он мог выбрать из числа компаний, предложенных «Олимпстроем»<sup>9</sup>. Далее, в течение 30 дней со дня заключения договора с оценщиком, должен был быть подготовлен акт оценки, один экземпляр которого предоставлялся собственнику. В течение 20 дней со дня получения отчета об оценке подготавливался и предоставлялся собственнику проект соглашения об условиях изъятия. В течение двух месяцев со дня ознакомления с проектом соглашения договор либо заключался и обеспечивались условия для его выполнения (земельный участок изымался в установленный срок, и производилась выплата компенсации), либо в том случае, если собственник был не согласен с условиями соглашения, представители Краснодарского края обращались в суд с требованием принудительного изъятия имущества.

Важной частью «олимпийского» закона было расширение круга лиц, которые могли рассчитывать на получение компенсации за изымаемый земельный участок. Получить возмещение убытков могли не только те, кто имел право частной собственности на землю, но и те лица, которые распоряжались земельными участками на основе прав постоянного (бессрочного) пользования или пожизненного наследуемого владения. По нормам, прописанным в Гражданском кодексе, в случае изъятия земли собственник может рассчитывать как на компенсацию стоимости земельного участка, так и на возмещение убытков (в том числе и упущенной выгоды). Лицо, которое имеет право бессрочного пользования или право пожизненного наследуемого владения, может рассчитывать только на возмещение убытков, но не получает компенсацию за земельный участок, так как формальным собственником является в этом случае государство [Коростелев 2008]. Таким образом, «олимпийский» закон уравнивал в правах частных собственников с пользователями и владельцами земли. Право претендовать на компенсацию по «олимпийскому» законопроекту получали также те лица, которые «самовольно владели земельными участками», т.е. неформальные собственники, но только в том случае, если суд признавал право собственности. Как было отмечено выше, именно неформальные собственники составляли большинство владельцев недвижимости в Имеретинке.

<sup>7</sup> Более подробно с тем, какие выгоды уже получили элиты от Олимпиады в Сочи можно ознакомиться в экспертном докладе Б. Немцова и В. Милова [Немцов, Милов 2009].

<sup>8</sup> Федеральный закон РФ от 1 декабря 2007 г. № 310-ФЗ «Об организации и о проведении XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 года в городе Сочи, развитии города Сочи как горноклиматического курорта и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

<sup>9</sup> Государственная корпорация, управляющая работами, связанными с проектированием, строительством, реконструкцией и эксплуатацией олимпийских объектов в Сочи. Полное наименование корпорации «Государственная корпорация по строительству олимпийских объектов и развитию города Сочи как горноклиматического курорта». Создана 8 ноября 2007 года во исполнение Федерального Закона № 238-ФЗ от 30 октября 2007 г.

Первыми жертвами олимпийского изъятия собственности стали беженцы-«самовольщики». Еще до принятия «олимпийского» закона летом 2007 г. власти Краснодарского края объявили войну «самострою»: так, в октябре 2007 г. на улице Голубой в Имеретинке было снесено несколько барачков, в которых проживали беженцы. С беженцами в Сочи поступили примерно также, как поступили с сельскими мигрантами, жителями «городских» деревень в Пекине или с цыганами в Афинах. Здесь интересно отметить, что борьба с «самоволькой» велась весьма избирательно: с одной стороны, сносили кафе и гостиницы неугодных предпринимателей, а с другой, жилье беженцев. Однако никто первоначально не трогал, например, староверов Имеретинки, чьи права собственности хотя и не вписывались в новые легальные рамки, но рассматривались на тот момент как вполне легитимные. Осенью 2007 г. губернатор Краснодарского края А.Н. Ткачев заявлял о том, что под изъятие в Имеретинке попадают 20–25 земельных участков. Но уже в 2008 г. число планируемых для изъятия участков в Имеретинской низменности существенно выросло: так, по словам вице-президента «Олимпстрой» А. Саурина, предполагалось изъятие уже 300 участков [Граник 2008]. В целом, по Сочи планировался выкуп 3,5 тыс. земельных участков [Новикова 2008]. В Имеретинской низменности для строительства олимпийских объектов планировалось изъять 650 га земли, 80% из которой находились в государственной собственности (совхозные угодья), а 40 га земли находились в частном владении [Граник 2008]. Если изъятие совхозной земли прошло практически без проблем, то вопрос об изъятии земельных участков, находящихся в индивидуальном владении, долгое время оставался нерешенным. В этом случае применить «олимпийский» закон на практике оказалось не так просто, особенно в отношении неформальных собственников.

Почему механизм изъятия индивидуальной собственности, прописанный в «олимпийском» законе, дал сбой? В данном случае перед чиновниками, которые должны были применять механизм изъятия собственности, возник целый ряд серьезных препятствий, одно из которых заключалось в том, что, несмотря на принятие «олимпийского» закона, отсутствовала необходимая правовая база для реализации механизма изъятия земли: так, в Сочи практически не действовал Генеральный план города, утвержденный в 1996 г., отсутствовали Правила застройки, документы по планировке и развитию территории Имеретинской низменности и т.д. В этом случае отсутствие и запутанность правовой базы является следствием переходного состояния системы земельной собственности в России.

Другим серьезным препятствием являлась процедура изъятия неформальной собственности. По «олимпийскому» закону окончательное решение о предоставлении права собственности на землю де-юре должен был выносить суд, но чтобы дело дошло до суда, необходимо было пройти множество бюрократических инстанций для того, чтобы оформить права на недвижимость и таким образом рассчитывать на получение компенсации. Формализация прав собственности в силу разных причин требует достаточно большого количества времени (в среднем от полугода до 3 лет). Однако в отличие от процедуры изъятия «олимпийский» закон не предусматривал упрощения и ускорения процедуры легализации неформальной собственности. Таким образом, возникали противоречия между двумя этими процедурами.

В результате организаторы Игр оказались перед дилеммой: либо своевременно начать строить олимпийские объекты, но для этого пришлось бы пойти, во-первых, на нарушение многих формальных правил, во-вторых, на принудительное изъятие неформальной собственности без выплаты компенсации, либо ждать, когда будет создана необходимая правовая база и неформальные собственники легализуют права на свою недвижимость, а это означало затягивание сроков строительства.

Сначала организаторы выбрали первый вариант и попытались применить процедуру изъятия до окончания процесса легализации неформальной собственности. При этом процесс изъятия проходил с нарушениями многих процедурных правил: так, некоторые жители получали уведомления об изъятии их собственности по два или три раза. То есть в случае Сочи, также как и в Сеуле, и Пекине, произошел разрыв между писаным правом и реальными практиками правоприменения.

В ответ на произвольные действия олимпийских чиновников жители Имеретинки стали проводить протестные акции (митинги, голодовки и т.д.). Важно отметить, что, несмотря на то, что жители Имеретинки обращались также и в суды для защиты своих интересов, судебные власти редко принимали решения в пользу владельцев. В этом случае действовала логика авторитарного политического режима, одной из особенностей которого является слабая и зависимая от исполнительной власти судебная система.

В результате начавшихся протестных акций были сорваны первоначальные планы по изъятию собственности и строительству некоторых олимпийских объектов. В 2009 г. была создана необходимая правовая база (новый Генплан, Правила застройки и др.). Также эта отсрочка позволила многим жителям Имеретинки легализовать недвижимость, но тем не менее до сих пор остаются неформальные собственники, которым не смогли этого сделать и по этой причине они не могут рассчитывать на компенсацию. Важно отметить, что процедура легализации в некоторых случаях превратилась в инструмент давления и манипуляции, применяемый чиновниками в отношении неформальных собственников, участвующих в протестных акциях. Так, чиновники могли отказать или затянуть выдачу того или иного документа, необходимого для оформления прав собственности; и, наоборот, в отношении лояльных жителей чиновники ускоряли процедуру легализации.

Другая проблема, которая возникла в процессе экспроприации, – это оценка изымаемой собственности. Разработчики «олимпийского» закона создали норму, в соответствии с которой выбор оценочных компаний осуществляет госкорпорация «Олимпстрой». Это норма давала возможность «продавливать» оценку собственности, которая была существенно ниже реальных рыночных цен. Таким образом, собственники по «олимпийскому» закону практически оказывались исключенными из процесса определения стоимости их имущества, и данная практика применялась во многих олимпийских столицах. При этом в Сочи проводилась не одна оценка собственности, а несколько, и с каждым разом стоимость недвижимости понижалась.

Возникает вопрос: почему оценка собственности проводилась несколько раз и при этом стоимость земли с каждой последующей оценкой становилась ниже? Во-первых, возникли проблемы с оценочными компаниями, которые оказались не совсем «ручными» и первоначально выдавали оценку земли и недвижимости ближе к рыночной цене, чем к той цене, по которой собирался выкупать собственность «Олимпстрой». В результате «Олимпстрой» нанял другие оценочные компании, которые выдавали более низкую стоимость выкупаемой собственности. Во-вторых, в 2008 г. произошел мировой экономический кризис, который отразился также и на олимпийском проекте. В этих условиях «Олимпстрой» стал экономить и проводить так называемую «актуализацию оценки», которая также приводила к понижению стоимости изымаемой собственности.

В результате оценка собственности стала одним из самых болезненных моментов конфликта в Сочи. Данная проблема неоднократно озвучивалась в ходе протестных акций жителей Имеретинки. Во-первых, собственников не устраивала сама процедура оценки, из которой они практически исключаются. Во-вторых, собственники были недовольны результатами оценки: «рыночная» стоимость земли, предлагаемая «Олимпстроем», серьезно расходилась с реальной рыночной ценой. Разумеется, также как и в других олимпийских столицах в Сочи при выплате компенсаций практически не учитывалась и потребительская стоимость недвижимости для местных жителей.

## **Заключение**

Таким образом, процесс изъятия собственности в Сочи имеет много черт, характерных для других олимпийских столиц. Так, Олимпийские игры во всех без исключения случаях являются инструментом в руках коалиций элит («машин роста»), продвигающих на повестку дня идею экономического развития. Деятельность этих «машин роста» приводит к перераспределению собственности в олимпийских городах, в результате которого проигрывают в первую очередь группы населения, имеющие слабый правовой (арендаторы, неформальные собственники и др.) и низкий социальный статус (бедняки, этнические и расовые меньшинства и др.). В какой-то степени данный опыт частично подтверждает «элитную гипотезу» и опровергает «народную гипотезу» о «добрых» и «злых» Олимпиадах. Исследование показывает, что практически нигде владельцы (в том числе и частные собственники) не могут полностью избежать изъятия собственности и диктовать условия компенсации, которая не всегда соответствует рыночной стоимости и очень редко учитывает потребительскую стоимость собственности.

Несмотря на сходства между «добрыми» и «злыми» Олимпиадами, они в первую очередь различаются по уровню практик правоприменения в ходе изъятия собственности. В странах, принимающих «добрые» Олимпиады, изъятие собственности в целом происходило в правовых рамках, по крайней мере, на уровне процедурных правил (хотя и здесь иногда применялись двойные стандарты к разным группам собственников). В странах, принимающих «злые» Олимпиады, несмотря на существование «хороших» законов, реальные практики изъятия собственности серьезно расходились с существующими законами. В меньшей степени это было характерно для Сеула и в большей степени для Пекина и Сочи. Эти различия в практиках правоприменения заключаются в разнице систем собственности и политических режимов: в странах «добрых» Олимпиад преобладает стабильная система частной собственности и демократический политический режим; в странах «злых» Олимпиад превалирует либо нестабильная система частной собственности при большой доле неформальных владельцев (в Южной Корее), либо государственная система собственности (в Китае), либо переходная система от государственной к частности собственности (в России). Эти различия опровергают вторую часть «элитной гипотезы» о том, что во всех олимпийских городах изъятие собственности происходит в правовых рамках.

В то же время случай Сочи имеет уникальные особенности, которые во многом определяются спецификой переходного режима собственности в постсоветской России – относительно большим количеством неформальных и в то же время легитимных собственников. В олимпийской столице 2014 г. процессы легализации неформальной собственности и изъятия проходили практически одновременно, что привело к серьезным противоречиям между организаторами Олимпийских игр и местными жителями.

## **Литература**

- Граник И.* (2008) Олимпиада ограничит себя в национализации // Коммерсантъ. 10.11.2008.
- Дробизева Л.М., Арутюнова Е.М., Кузнецов И.М., Щеголькова Е.Ю.* (2009) Социально-культурное разнообразие как ресурс трансформирующегося Сочи. Информационно-аналитический бюллетень ИС РАН. М.: Институт социологии РАН.
- Капелюшников Р.И.* (1990) Экономическая теория прав собственности (методология, основные понятия, круг проблем). М.: ИМЭМО АН СССР.

- Капелюшников Р.И.* (2004) Право собственности (очерк современной теории) // Отечественные записки. № 6.
- Климов И.* (2008) Сочи-2014: власть и граждане в поисках взаимопонимания (к ситуации в Имеретинской бухте) // Социальная реальность. № 8–10.
- Коростелев С.П.* (2008) Оценка сочинских земель: по рынку или по справедливости? 22.12.2008 // <http://rosfincom.ru/market/stock/38084.html>.
- Немцов Б., Милов В.* (2009) Сочи и Олимпиада. Независимый экспертный доклад // <http://www.nemtsov.ru/?id=705748>
- Новикова Л.* (2008) Олимпийский компромисс // RBC daily. 07.11.2008.
- Нуреев Р.М., Маркин Е.В.* (2008) Олимпийский деловой цикл // Экономический вестник Ростовского государственного университета. № 3.
- Нуреев Р.М., Маркин Е.В.* (2009) Эти разные Олимпиады // Terra Economicus (Экономический вестник Ростовского государственного университета). № 3.
- Нуреев Р.М., Маркин Е.В.* (2010) Издержки и выгоды Олимпийских игр // Общественные науки и современность. № 1.
- Самкович Е., Климов И.* (2009) Сочи: ситуация в городе накануне выборов // Сочи. Выборы мэра. Апрель 2009. Аналитический отчет Фонда общественного мнения. Спецвыпуск 22.04.2009 // [www.fom.ru](http://www.fom.ru).
- Alchian A., Demsetz H.* (1973) The Property Right Paradigm // The Journal of Economic History. № 1.
- Andranovich G., Burbank M.J., Heying C.H.* (2001) Olympic Cities: Lessons Learned from Mega-Event Politics // Journal of Urban Affairs. № 2.
- Azuela A.* (2007) Sociological Analysis of Property // Encyclopedia of Law and Society: American and Global Perspectives, edited by D.S. Clark. Los Angeles: Sage Publications.
- Benda-Beckmann F. von, Benda-Beckmann K. von, Wiber M.* (2009) The Properties of Property // Changing Properties of Property. Benda-Beckmann F. von, Benda-Beckmann K. von, Wiber M. (eds.). Oxford: Berghahn.
- Burbank M.J., Heying C.H., Andranovich G.* (2000) Antigrowth Politics or Piecemeal Resistance? Citizen Opposition to Olympic-Related Economic Growth // Urban Affairs Review. № 3.
- Carruthers B., Ariovich L.* (2004) The Sociology of Property Rights // Annual Review of Sociology. Vol. 30.
- Chalkley B., Essex, S.* (1999) Urban development through hosting international events: a history of the Olympic Games // Planning Perspectives. № 4.
- Cheyne J.* (2009) Olympian Masterplanning in London // Planning Theory & Practice. № 3.
- COHRE (Center on Housing Rights and Evictions) (2007). Fair play for housing rights: Mega-events, Olympic Games and housing rights. Geneva.
- Demsetz H.* (1967) Toward a Theory of Property Rights // The American Economic Review. № 2.
- Dimopoulou E.* (2009) Mega Events as an opportunity for Urban Regeneration. Impact on a Host Greek City. International Workshop on Spatial Information for Sustainable Management of Urban Areas. FIG Commission 3 Workshop 2009. Mainz, Germany, 2–4 February 2009.
- Essex, S., Chalkley B.* (1998) Olympic Games: catalyst of urban change // Leisure Studies. № 17.
- Essex, S., Chalkley B.* (2004) Mega-sporting events in urban and regional policy: a history of the Winter Olympics // Planning Perspectives. № 2.
- Ferguson D.* (2008) Beijing's "1.5 million Olympic evictions": The making of a Western media myth // China.org.cn. November 2008.
- Gold J.R., Gold M.M.* (2008) Olympic Cities: Regeneration, City Rebranding and Changing Urban Agendas // Geography Compass. № 1.
- Greene S.J.* (2003) Staged Cities: Mega-events, Slum Clearance, and Global Capital // Yale Human Rights & Development L.J. Vol. 6.
- Hann C.M.* (1998) Introduction: the Embeddedness of Property // Property Relations: Renewing the Anthropological Tradition. C. M. Hann (ed.). Cambridge: CUP.
- Hill C.* (1992) Olympic Politics. Manchester: Manchester University Press.

- Hiller H.H. (1990) The urban transformation of a landmark event: the 1988 Calgary Winter Olympics // *Urban Affairs Quarterly*. № 1.
- Hiller H.H. (1998) Assessing the Impact of Mega-Events: A Linkage Model // *Current Issues in Tourism*. № 1.
- Hiller H.H. (2006) Post-event Outcomes and the Post-modern Turn: The Olympics and Urban Transformations // *European Sport Management Quarterly*. № 4.
- Ho P. (2001) Who Owns China's Land? Policies, Property Rights and Deliberate Institutional Ambiguity // *The China Quarterly*. № 166.
- Horne J. (2007) The Four 'Knowns' of Sports Mega-Events // *Leisure Studies*. № 1.
- Kim K.-J. (2001) Residential Redevelopment in Seoul: Public Substandard Housing Renewal Program // *Urban Management in Seoul: Policy Issues and Responses*. Eds. W.-Y. Kwong, K.-J. Kim. Seoul: Seoul Development Institute.
- Lenskyj H.J. (2000) *Inside the Olympic Industry: Power, Politics, and Activism*. New-York: State University of New York Press.
- Lenskyj H.J. (2002) *The Best Olympics Ever?: Social Impacts of Sydney 2000*. Albany, NY: SUNY Press.
- Lenskyj H.J. (2008) *Olympic Industry resistance: Challenging Olympic power and propaganda*. New-York: State University of New York Press.
- Logan, J.R., Molotch H.L. (1987) *Urban Fortunes: The Political Economy of Place*. Berkeley, CA: University of California Press.
- McGurk P., Tsahuridu E. (2009) Winners, losers and hurdles: A stakeholder approach to London 2012 // *The Olympic Legacy: People, Place, Enterprise*. Proceedings of the first annual conference on Olympic Legacy. Eds. J. Kennell, C. Bladen and E. Booth. University of Greenwich.
- Olds K. (1998) Urban Mega-Events, Evictions and Housing Rights: The Canadian Case // *Current Issues in Tourism*. № 1.
- Ponsford B. J., Agrawal J. (1999) Why Corporations Sponsor the Olympics // *Journal of Promotion Management*. № 1.
- Porter L. (2009) Planning Displacement: The Real Legacy of Major Sporting Events // *Planning Theory & Practice*. № 3.
- Raco M., Tunney E. (2010) Visibilities and Invisibilities in Urban Development: Small Business Communities and the London Olympics 2012 // *Urban Studies*. № 10.
- Roche M. (2000) *Mega-events and Modernity: Olympics and Expos in the Growth of Global Culture*. London: Routledge.
- Singer J.W. (2000) *Entitlement: The Paradoxes of Property*. New Haven, Conn.: Yale University Press.
- Smith A. (2009) Theorising the Relationship between Major Sport Events and Social Sustainability // *Journal of Sport & Tourism*. № 2.
- Surborg B., VanWynsberghe R., Wylly E. (2008) Mapping the Olympic growth machine // *City*. № 3.
- Tomlinson A. (2005) The Commercialisation of the Olympics: Cities, Corporations, and the Olympic Commodity // *Global Olympics: Historical and Sociological Studies of the Modern Games* / eds. K. Young, K.B. Wamsley. Amsterdam: Elsevier.
- Toohey K., Veal A.J. (2007) *The Olympic Games: a social science perspective*. 2nd ed. Trowbridge: Cromwell Press.
- Wang T. (2006) Trading the People's Homes for the People's Olympics: the Property Regime in China // *Pacific Rim Law & Policy Journal*. № 2.
- Whitson D. (2005) Olympic Hosting in Canada: Promotional Ambitions, Political Challenges // *Olympika: The International Journal of Olympic Studies*. Vol. 14.
- Whitson D., Horne J. (2006) Underestimated costs and overestimated benefits? Comparing the outcomes of sports mega-events in Canada and Japan // *Sports Mega-Events: Social Scientific Analyses of a Global Phenomenon* / Eds. J. Horne, W. Manzenreiter. Oxford: Blackwell.
- Yin R.K. (2003) *Case study Research: design and methods*. Thousand of Oaks: Sage Publications. 3-nd Edition.





## XIV Апрельская международная научная конференция «Модернизация экономики и общества»

2–4 апреля 2013 года в Москве состоится XIV Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества, проводимая Национальным исследовательским университетом Высшая школа экономики при участии Всемирного банка и Международного валютного фонда. Председателем Программного комитета конференции является научный руководитель НИУ ВШЭ профессор Е.Г. Ясин.

На пленарных заседаниях конференции планируются выступления руководителей Правительства Российской Федерации, Администрации Президента Российской Федерации, представителей Всемирного банка, Международного валютного фонда, Организации экономического сотрудничества и развития, руководителей крупнейших российских и иностранных компаний.

Специальные темы конференции: **«Мировой экономический кризис и российская экономика»** и **«Институты и новая социальная политика»**. Специальным темам конференции будут посвящены пленарные заседания, а также отдельные почетные доклады, секции и круглые столы.

После пленарных заседаний в рамках секционных заседаний будут проводиться сессии с представлением научных докладов и экспертные круглые столы по актуальным проблемам развития экономики. В рамках конференции будут организованы специальные сессии с презентацией результатов исследований международных научных лабораторий ВШЭ. Секционные заседания и заседания круглых столов в рамках конференции будут посвящены следующим направлениям:

- Макроэкономика и экономический рост
- Проблемы государственного управления
- Фирмы и рынки
- Наука и инновации
- Финансовые институты и рынки
- Экономика и право
- Менеджмент
- Мировая экономика
- Международные отношения
- Политические процессы
- Демография и рынки труда
- Местное самоуправление и гражданская самоорганизация
- Региональное развитие
- Города и агломерации
- Теоретическая экономика
- Экономическая история
- Социально-культурные процессы
- Общество и социальная политика
- Развитие здравоохранения
- Социология
- Развитие образования
- Управление общественным сектором
- Медиа-коммуникации

Авторы заявок на участие с докладами могут не ограничиваться этими тематическими направлениями, но при отборе заявок Программный комитет будет отдавать приоритет тем заявкам, которые имеют отношение к указанным выше темам.

Доклад, заявляемый на конференцию, должен содержать результаты оригинального научного исследования, выполненного с использованием современной исследовательской методологии. Продолжительность презентации доклада на сессии – 15–20 минут. Выступления в рамках экспертных круглых столов, как правило, ограничиваются 5–7 минутами. С учетом поступивших заявок на выступления будут сформированы программы секций и круглых столов.

Рабочими языками конференции являются русский и английский. Пленарное и большинство секционных заседаний будут сопровождаться синхронным переводом.

Заявки на выступление в качестве индивидуальных докладчиков на сессиях следует направлять в Национальный исследовательский университет «Высшую школу экономики» с **10 сентября 2010 года до 12 ноября 2012 года**. Регистрация заявок в режиме on-line проводится по адресу: <http://conf.hse.ru/>. В заявке должны быть указаны фамилия, имя, отчество докладчика, место работы и должность, контактный адрес, телефон, факс и электронная почта, название предлагаемого доклада. К заявке должна быть приложена развернутая аннотация предполагаемого выступления в формате Word или RTF объемом от 1 до 3 машинописных страниц через 1,5 интервала (до 7 000 знаков).

В аннотации должны быть раскрыта тема, показана степень разработанности проблемы, даны характеристики исследования (теоретическая или эмпирическая работа, на какой информационной базе), а также должны быть изложены основные полученные результаты.

Заявки с аннотациями, не отражающими основных положений выступления, а также объемом менее 1 страницы, не рассматриваются. Один автор может представить на конференции 1 личный доклад и не более 2 докладов в соавторстве.

Авторы доклада могут сообщить о своем желании участвовать в симпозиумах по специальным темам конференции. Группа авторов индивидуальных заявок, зарегистрированных в режиме on-line, до 12 ноября 2012 г. может сообщить в Программный комитет конференции о своем желании представить свои доклады в рамках одной сессии. Соответствующее письмо должно быть направлено на адрес [interconf@hse.ru](mailto:interconf@hse.ru) и должно содержать информацию о названии сессии, авторах и темах докладов (не более 3–4, уже зарегистрированных в качестве индивидуальных заявок), а также фамилию, имя, отчество и контактные данные (телефон и адрес электронной почты) предполагаемого руководителя сессии. Продолжительность сессии 1,5 часа. Предложения по формированию сессий могут быть учтены Программным комитетом на этапе экспертизы заявок и формирования программы конференции.

Решение Программного комитета о включении докладов в программу конференции будет принято до 21 января 2013 г. на основании экспертизы с привлечением независимых экспертов.

Авторы докладов, включенных в программу конференции, должны до 4 марта 2013 г. представить полный текст доклада (в формате Word, RTF или PDF) для размещения на сайте конференции. Окончательные версии докладов должны быть представлены до 20 мая 2013 г. Решение об их публикации в электронном сборнике материалов конференции принимается редколлегией сборника с учетом результатов рецензирования. Доклады, которые не были представлены на конференции, не рассматриваются для публикации.

Доклады, включенные в Программу конференции, после дополнительного рецензирования и рассмотрения редакциями могут быть приняты к публикации в журналах «Вопросы экономики», «Российский журнал менеджмента», «Экономический журнал ВШЭ», «Журнал Новой экономической ассоциации», «Мир России», «Вопросы образования», «Вопросы государственного и муниципального управления», «Экономическая социология», «Экономическая политика», «ЭКО», которые входят в список ВАК и представители которых приглашены к участию в Программном комитете конференции.

Участникам из стран СНГ и Восточной Европы, приглашенным выступить с докладами, может быть предоставлен грант Представительством Всемирного банка в Москве с целью компенсации расходов по участию в конференции. Заявки на получение гранта должны быть направлены **до 11 февраля 2013 года** по адресу [interconf@hse.ru](mailto:interconf@hse.ru).

Заявки на участие в конференции без доклада принимаются в режиме on-line с **13 ноября 2012 г. до 10 марта 2013 года** по адресу: <http://conf.hse.ru/>

Организационный взнос за участие в конференции составляет:

	Для российских участников	Для иностранных участников		Для российских и зарубежных студентов и аспирантов
		Развитые страны	Развивающиеся страны, СНГ и ЦВЕ	
до 1.03.2013 г.	1000 руб.	100 долл США	70 долл США	200 руб.
до 1.04.2013 г.	1500 руб.	150 долл США		300 руб.
с 2.04.2013 г.	2000 руб.	170 долл США		500 руб.

Банковские реквизиты счетов, на которые должен быть переведен организационный взнос, с 12 сентября 2012 года будут доступны по адресу: <http://conf.hse.ru/>.

От уплаты организационного взноса освобождаются почетные гости конференции, работники федеральных и региональных органов исполнительной власти, органов местного самоуправления, а также лица, специально приглашенные Оргкомитетом конференции.

С программами и материалами I-XIII международных научных конференций (2000 – 2012 гг.) можно ознакомиться на сайте: <http://conf.hse.ru/2012/history/>.